

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

С.В. МАРЕЕВА, А.В. КАРАВАЙ, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕРАВЕНСТВЕ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ (опыт эмпирического анализа)

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований (smareeva@hse.ru); КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (karavayav@yandex.ru); СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (eslobodenyuk@hse.ru). Все – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Представлены результаты реализованного на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ анализа влияния представлений россиян о неравенстве на их поведение в отношении своих расходов, связанных с человеческим капиталом. Восприятие населением доступа к высшему образованию как справедливого, а причин благополучия как меритократических, приводит к повышению склонности к инвестированию в человеческий капитал взрослых. Напротив, восприятие причин богатства как связанных с особенностями поддержки родителей или институциональной среды, не отвечающей принципам равенства возможностей, оказывает дестимулирующее влияние на инвестиции в человеческий капитал взрослых россиян. Понимание бедности как следствия особенностей сложившейся в стране институциональной среды влияет аналогичным образом. Полученные результаты демонстрируют нетривиальную сферу проявления последствий субъективного восприятия неравенства и важны для реализации вектора развития России, основанного на человеческом капитале как его драйвере.

Ключевые слова: инвестиции в человеческий капитал • субъективное восприятие неравенства • факторы неравенства

DOI: 10.31857/S013216250024234-0

Теоретико-методологические основания анализа. Разнообразные последствия неравенства привлекают в последние десятилетия внимание исследователей. Показано, что высокое неравенство связано с ростом социальной напряженности, антисоциальным поведением, преступностью, успеваемостью, снижением уровня здоровья и иными последствиями, опосредованными поведением и предпочтениями населения на микроуровне [Wilkinson, Pickett, 2009]. Высокое доходное неравенство может приводить к недоинвестированию в человеческий капитал (ЧК) среди представителей бедных групп населения [Galor, Zeira, 1993]. Высокий уровень неравенства возможностей тоже имеет негативные последствия для ЧК, приводя к более низкому его уровню и к более низкой доле населения,

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-325).

инвестирующей в него [Mejía, St-Pierre, 2008]. При этом важны не только масштабы и глубина неравенства, но и его основания. Б. Миланович справедливо отмечает, что существуют «хорошие» и «плохие» неравенства: если «хорошие» связаны со стимулами для населения и способствуют инновациям и получению образования, то «плохие» дестимулируют инвестиции населения, поскольку основаны на политических связях и коррупции¹. Мы развиваем эту логику, предполагая, что не только объективное неравенство может быть «хорошим» или «плохим», но и субъективные представления о нем населения могут стать стимулирующими или дестимулирующими с точки зрения накопления ЧК – в зависимости от тех оснований, на которых, по мнению населения, неравенство основано.

Именно субъективные представления о неравенствах, судя по данным ряда исследований, имеют важные последствия на уровне общества и на индивидуальном уровне. Так, субъективное восприятие неравенства связано с уровнем политического и общественного доверия в обществе и с политическими предпочтениями индивидов [Loveless, 2013; Sprong et al., 2019]. Воспринимаемое неравенство отражается и на поведенческих стратегиях – так, показано, что высокий уровень субъективного неравенства препятствует планированию, стимулирует недальновидное поведение, ориентированное на настоящий момент [Bak, Yi, 2020]. Мы предполагаем, что это может влиять и на решения, связанные с инвестициями в ЧК, поскольку они подразумевают учет отдачи от них в будущем. Однако исследования, напрямую изучающие этот вопрос, нам пока не встречались, хотя различные аспекты субъективного восприятия неравенства уже неоднократно рассматривались применительно и к российскому обществу [Горшков, 2014; Косова, 2016; Тихонова, 2018; Мареева, 2021; Козырева, Смирнов, 2022]. В данной статье мы пытаемся частично заполнить этот пробел, исследуя влияние субъективных представлений о неравенстве на склонность к инвестициям в ЧК россиян.

При характеристике теоретико-методологических оснований исследования нужно остановиться на самом понятии «человеческий капитал». В классическом его понимании, представленном в 1960–1970-х гг. в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Д. Минцера и др., ЧК подразумевает знания и навыки работника, которые выступают для него ключевым активом и приносят ему доходы в виде отдачи/ренды. Предполагается, что индивиды принимают решение о получении образования, повышении квалификации, переобучении или приобретении новых навыков и знаний, сравнивая ожидаемую отдачу от этих действий с альтернативной стоимостью потраченного в них времени и материальных средств. Как следствие, операционализация инвестиций в свой ЧК может быть различной и включать оценку как денежных, так и временных затрат на образование и развитие навыков, т.е. как платные виды образования, так и самообразование. На выбранном нами варианте операционализации в рамках данного исследования мы подробнее остановимся ниже.

В центре нашего внимания – влияние субъективного восприятия неравенства на склонность индивидов к инвестициям в ЧК. Необходимо учитывать, что существующие исследования показывают разнообразие влияющих на это факторов, не сводящихся только лишь к прагматическим оценкам прибыльности соответствующих инвестиций [Mincer, 1962; Becker, 1993]. На восприятие ценности знаний и навыков, определяющих инвестиции в человеческий капитал на микроуровне, влияет и институциональная среда, определяющая, в частности, их востребованность на рынке труда и задающая «пространство возможных действий», в рамках которого люди определяют свои индивидуальные поведенческие стратегии [Вольчик, Зотова, 2011]. Играть роль и территориально-отраслевые факторы, связанные с функционированием рынка труда и формирующие разный спрос на высококвалифицированную рабочую силу в разных населенных пунктах, влияя тем самым на ее предложение [Каравай, 2021; Arora et al., 2000; Fraumeni et al., 2019]. Свою роль

¹ Грозовский Б. Бранко Миланович: «Высокое неравенство должно становиться для общества стоп-сигналом» (15.01.2019). URL: <https://strategyjournal.ru/rossiya-i-mir/branko-milanovich-vysokoe-neravenstvo-dolzno-stanovitsya-dlya-obshhestva-stop-signalom/> (дата обращения: 23.01.2023).

в отношении инвестиций в свой ЧК играют и аскриптивные характеристики индивидов, и состояние их здоровья, и гендер – в тесной связке со спецификой отношения в том или ином обществе к социальным ролям [Lim et al., 2018; Vella, 1994].

Изучение роли нормативно-культурных факторов в принятии решения об инвестировании в ЧК широко представлено в литературе [Bourdieu, Passeron, 1990; Coleman, DeLeire, 2003; Johnston et al., 2014; Philippis, Rossi, 2021; Каравай, 2016]. Продолжая эту линию анализа, в число таких факторов в данном исследовании мы включаем субъективные представления населения о неравенстве².

Методология исследования и эмпирическая база. Эмпирической базой исследования выступили данные 28-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ³ (2019), который включал в себя ряд вопросов о субъективном восприятии неравенства, отсутствующих, к сожалению, в инструментарии данного исследования в другие годы. Для анализа используется репрезентативная выборка, объединяющая россиян от 18 лет и старше ($N = 9390$).

Наш исследовательский вопрос: существует ли связь между представлениями населения о неравенстве и их инвестициями в ЧК? Мы решаем эту задачу с помощью логистической регрессии, где зависимая переменная – склонность к инвестициям в ЧК взрослых. В качестве независимых переменных мы используем, во-первых, ряд традиционно включающихся в подобный анализ факторов, которые, согласно результатам предшествующих исследований, влияют на инвестиции в ЧК⁴, и, во-вторых, факторы субъективного восприятия неравенства, в частности – представления населения о причинах бедности и богатства в современной России, а также оценки справедливости доступа к высшему образованию. Вопросы отдачи от ЧК сознательно оставлены за рамками нашего анализа.

Влияние представлений о неравенстве и инвестиций в ЧК на микроуровне в российском обществе. Прежде чем перейти к регрессионному анализу, кратко опишем особенность восприятия неравенства населением.

Неравенство воспринимается населением России достаточно остро, представляется высоким и нелегитимным [Мареева, 2021; Мареева и др., 2022], во многом сформированным на основании внешних факторов, а не на личных усилиях и талантах, причем такая ситуация сложилась еще в 1990-е гг. [Örkény, Székelyi, 2000]. О специфике восприятия неравенства россиянами говорят и их представления о причинах бедности/богатства – основаниях неравенства в целом (рис.).

Как видим, главной причиной бедности, как и богатства, является в массовом сознании наличие/отсутствие связей – именно связи занимают лидирующую позицию в обоих рейтингах. Однако их роль в достижении благополучия или избегании бедности неодинакова. Представления населения о причинах бедности более дифференцированы: важную роль также играют лень, плохое образование, плохое здоровье, сложившиеся институциональные рамки (законы, которые служат богатым), а в случае богатства наличие связей представляется россиянам ключевой причиной успеха. Другие причины богатства в массовом сознании (за исключением лишь одного, связанного с законами) фигурируют заметно реже. В тройку лидеров по обоим рейтингам входит вера в несправедливость законов

² Предшествующие исследования показали, что восприятие неравенства россиянами является частью общего культурного кода и связано, прежде всего, с общей нормативно-ценностной системой, в которой ключевую роль играет концепция социальной справедливости, а не со спецификой индивидуальной ситуации [Мареева, 2021; Мареева и др., 2022], поэтому мы характеризуем эти факторы как носящие нормативно-ценностный характер.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE – <http://www.hse.ru/rhms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

⁴ Без учета этих факторов подобный анализ, на наш взгляд, будет некорректным, что определяет выбор регрессии как метода анализа.

А) Причины бедности

Б) Причины богатства

Рис. Распределение ответов на вопросы о причинах бедности и богатства*, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019 г., % россиян 18 лет и старше

Примечания. *Приведены ответы на вопросы: «В любом обществе есть бедные люди. Посмотрите, пожалуйста, на карточку и выберите три основные причины бедности людей в нашей стране» и «В любом обществе есть богатые люди. Посмотрите, пожалуйста, на карточку и выберите три основные причины, которые дали возможность этим людям стать богатыми в нашей стране». Допускалось до трех вариантов ответа. Серой заливкой выделены немеритократические факторы, белой – меритократические⁵.

(данная причина чаще упоминается для бедности, чем для богатства): как минимум каждый третий россиянин разделяет мнение «законы написаны, трактуются и используются в политике в интересах богатых, что приводит к богатству одних и бедности других».

По мнению россиян, меритократические причины в большей степени способствуют избеганию бедности, чем достижению богатства. Так, среди ключевых в общественном сознании причин бедности нет явного лидера. В числе пяти наиболее популярных ответов

⁵ Меритократические – сформировавшиеся в институциональной среде, предоставляющей равный доступ к знаниям всем членам общества, формирующей справедливое соперничество как механизм восходящей социальной мобильности и селективно определяющей наиболее талантливых, умных, целеустремленных и движимых моральным императивом членов общества на наивысшие позиции в его структуре [Young, 1958].

присутствуют две причины, имеющие меритократический характер: как минимум треть россиян считают, что недостаточное усердие и плохое образование приводят к бедности. Говоря о богатстве, россияне значительно реже упоминают причины меритократического характера: упорный труд называли лишь четверть, хорошее образование – лишь пятая часть. Таким образом, обеднение или избегание бедности представляется населению в большей мере «заслуженным», чем достижение богатства, хотя эта картина, безусловно, имеет свои нюансы.

Представленные распределения ответов на вопросы о причинах бедности и богатства в современной России довольно универсальны среди населения. Практически во всех социально-экономических и социально-демографических группах доля сторонников той или иной точки зрения не отличается от среднего по стране более чем на величину статистической погрешности. Лишь в единичных случаях встречаются более заметные расхождения, преимущественно в полярных группах населения (например, между бедными и богатыми, совсем молодыми и пожилыми, и пр.).

Регрессионный анализ влияния представлений о неравенстве на инвестиции в ЧК. В качестве зависимой переменной для построения всех моделей использовался индикатор склонности индивида инвестировать в образование взрослых. С учетом возможностей используемой нами эмпирической базы мы операционализируем эту склонность через совершенные денежные расходы на образование взрослых. К индивидам, которые были классифицированы нами как склонные к инвестициям в ЧК, отнесли тех, кто самостоятельно оплачивал дополнительное профессиональное образование в течение предыдущего года ($N = 171$; 1,7% выборки)⁶, либо в течение последнего месяца их домохозяйства совершали расходы на обучение взрослых ($N = 619$; 6,2%)⁷. Таким образом, зависимая переменная носит бинарный характер, к инвестирующим в ЧК отнесены 7,8% общей репрезентативной выборки респондентов от 18 лет и старше ($N = 9390$).

В качестве независимых переменных мы используем как традиционно включающиеся в анализ такого рода факторы, так и особенно интересующие нас факторы субъективных представлений населения о неравенстве. Что касается первой группы, проведенный обзор существующих исследований показал разнообразие факторов, влияющих на решение индивидов об инвестициях в образование (социально-демографические характеристики, состав и материальное положение домохозяйств, условия первичной социализации, личностные особенности, наличие занятости, профессиональный статус, условия работы и т.д.). Инструментарий мониторинга позволял операционализировать многие из этих факторов, за исключением тех, которые связаны с характеристиками родительской семьи индивида и большинства его личностных установок. В социально-экономический и демографический блок регрессоров включены 12 независимых переменных (табл. 1).

Для операционализации второго блока – факторов субъективного восприятия неравенства в обществе – использовались несколько доступных в исследовании переменных. Прежде всего, это переменные, показывающие восприятие населением причин бедности и богатства в современном российском обществе, которые были описаны выше. Каждый из ответов рассматривался как отдельный признак субъективного восприятия неравенства, базой выступал ответ «нет» (отсутствие выбора конкретного фактора как значимого

⁶ Соответствующий вопрос в РМЭЗ НИУ ВШЭ «В течение последних 12 месяцев вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?» предусматривал 2 варианта ответа: «да» и «нет». Для проходивших обучение задавался вопрос: «За счет каких средств вы учились на этих курсах?», предусматривающий множественный выбор из 3 вариантов: «средств предприятия», «личных средств», «за счет других источников». Мы отбирали только тех, кто оплачивал обучение самостоятельно.

⁷ Соответствующий вопрос в РМЭЗ НИУ ВШЭ «В течение последних 30 дней ваша семья тратила деньги на оплату занятий взрослых членов семьи в различных секциях, на курсах, у преподавателей?» предусматривал 2 варианта ответа: «да» и «нет».

Таблица 1

**Независимые переменные социально-экономического и демографического блока
для регрессионного анализа, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019 г.**

Показатель	Распределение значений
<i>Ковариаты</i>	
Возраст	Дискретная переменная, значения от 18 до 102 лет, среднее – 50,27 года, медиана – 50 лет.
Возраст в квадрате	Дискретная переменная, значения от 324 до 10404 лет, среднее – 2860,88, медиана – 2500.
Среднедушевой доход в домохозяйстве в месяц ⁸	Непрерывная переменная среднедушевого дохода в домохозяйстве. Значения от 177,2 до 520000, среднее – 21301,51; медиана – 18345,51 руб.
<i>Остальные переменные</i>	
Пол	Мужской – 41,4% Женский (база) – 58,6%
Оценки здоровья	Хорошее (база) – 35,7% Среднее – 50,3% Плохое – 14,0%
Наличие профессионального образования и его уровень	Без профессионального образования (база) – 22,0% Профессиональные курсы – 13,2% Начальное или среднее специальное образование – 37,3% Высшее образование – 27,5%
Состав домохозяйства	Проживают без партнера (база) – 40,2% Проживают с партнером – 59,8%
Тип поселения по месту проживания	Города-областные центры – 41,3% Остальные города – 25,4% Села или ПГТ (база) – 33,3%
Тип поселения по месту рождения	Города – 53,6% Села или ПГТ (база) – 46,4%
Наличие детей и их возраст	Нет детей (база) – 22,5% Только несовершеннолетние – 20,6% Только совершеннолетние – 50,8% И совершеннолетние, и несовершеннолетние – 6,1%
Наличие постоянной работы	Нет постоянной работы (база) – 48,5% Есть постоянная работа – 51,5%
Субъективная оценка собственного материального положения	Низкое – 39,4% Среднее (база) – 56,6% Высокое – 4,0%

для попадания в бедность или для достижения богатства). Помимо этого, мы также использовали переменную оценки справедливости доступа к высшему образованию⁹ как еще один из индикаторов субъективного восприятия измерения неравенства, непосредственно связанного с возможностями накопления ЧК. Базой стали те, кто считал доступ к образованию несправедливым или затруднился с ответом на этот вопрос.

Для анализа использован метод логистической регрессии. В каждом случае поиск итоговой модели велся с помощью алгоритма обратного отбора, когда на первоначальном

⁸ Чтобы перевести распределение переменной из логнормального в нормальное, в модель включен натуральный логарифм переменной среднедушевого среднемесячного дохода в домохозяйстве индивида.

⁹ Вопрос звучал так: «Как вы считаете, насколько справедлив или несправедлив в нашей стране доступ к высшему образованию?» Предусматривалось четыре варианта ответа: «совсем несправедливо» (14,8%), «скорее несправедливо» (39,9%), «скорее справедливо» (34,3%) и «справедливо полностью» (2,4%). Для построения модели мы обозначили как 1 выбравших варианты ответа «скорее справедливо» и «справедливо полностью» (36,7%). Базой выступили те, кто считал доступ к образованию совсем/скорее несправедливым или затруднился с ответом на этот вопрос (63,3%).

этапе в уравнение регрессии включаются все выбранные для анализа переменные, а на последующих шагах исключаются по одному статистически незначимые, с контролем качества модели с помощью различных статистических показателей (AIC, BIC и др.).

Изначально мы включили в модель только демографические и социально-экономические независимые переменные из табл. 1. Среди значимых переменных, связанных с социально-экономическими и демографическими характеристиками индивидов, как показали результаты регрессионной модели (I), остались только связанные с возрастом, типом поселения по месту проживания, материальным положением, уровнем образования, занятостью и составом домохозяйства (табл. 2). Наличие значимой константы и невысокие значения псевдо- R^2 свидетельствуют, что многие факторы, влияющие на зависимую переменную, не включены в модель, т.к. отсутствуют в имеющемся инструментарии. В итоговую модель по критерию значимости не вошли переменные пола, нелинейного влияния возраста, состояния здоровья и типа поселения по месту рождения.

Исходя из результатов модели I, можно сделать ряд выводов. Склонность к инвестициям в образование взрослых не зависит от пола, состояния здоровья, семейного положения и места рождения индивидов. Жители городов в большей степени склонны инвестировать в обучение по сравнению с проживающими в сельской местности. Сравнительно сильно на поведение россиян в отношении инвестирования в ЧК влияет наличие совершеннолетних детей (на них, видимо, и направлена часть подобных инвестиций в домохозяйствах). Сказывается на склонности к инвестициям и уже накопленный ЧК в виде полученного высшего образования; немаловажным оказывается наличие занятости. Наконец, материальное положение значимо влияет на склонность индивидов инвестировать в образование взрослых, в том числе и в субъективном его измерении (восприятие своего материального положения как низкого дестимулирует подобные инвестиции).

Дальнейший анализ влияния переменных, связанных с субъективными оценками индивидов неравенства в обществе, основывался на том, что в модель включались различные индикаторы этих оценок. Во всех случаях набор социально-экономических и демографических характеристик оставался неизменным по сравнению с моделью I, как и направление влияния соответствующих переменных, что говорит об устойчивости полученных на первом этапе результатов.

Включение переменной, связанной с восприятием справедливости доступа к высшему образованию, не ухудшило качество модели (II), но ее объясняющая способность стала немного выше, чем в предыдущих спецификациях. Результаты этой модели показывают, что при прочих равных россияне более склонны инвестировать в ЧК взрослых, если считают доступ к высшему образованию в стране справедливым.

В следующую модель (III) субъективное восприятие неравенства было включено через показатели восприятия населением причин богатства. В итоговой ее спецификации остался тот же набор социально-экономических и демографических переменных, что и в модели I. В отношении причин богатства анализ показал: статистически значимое положительное влияние на склонность к инвестированию в образование взрослых оказывает установка, что богатство достигается упорным трудом (видимо, труд связывается и с накоплением реальных навыков и знаний, также требующим усилий). Представления, что богатым сопутствует удача, что они получили поддержку от родителей или что им служат законы и политика, наоборот, негативно сказываются на вероятности попадания в группу осуществляющих расходы на инвестиции в ЧК. Таким образом, восприятие причин богатства как немеритократических дестимулирует россиян повышать свой уровень ЧК, так как к благополучию, по их мнению, приводят причины иного характера.

Отдельно стоит отметить, что в данной модели неожиданно негативно влияет на склонность к инвестициям в ЧК взрослых установка, что богатство достигается благодаря хорошему образованию. Это может означать, что хорошее образование у россиян ассоциируется с чем-то элитным, недоступным для массовых слоев населения. Такая

интерпретация отчасти подтверждается тем, что 54,7% россиян считают доступ к высшему образованию в стране несправедливым.

В модели IV в качестве показателей восприятия неравенства были использованы представления россиян о причинах попадания в бедность. Соответствующие переменные показали себя сравнительно хуже переменных, характеризующих представления о причинах богатства. Результаты этой модели свидетельствуют, что на склонность россиян инвестировать в образование взрослых негативно влияют представления о том, что законы и политика служат прежде всего богатым (это consistently с эффектом представлений об институциональных причинах богатства, продемонстрированным в модели III), а также о том, что у бедных нет полезных связей.

Таблица 2

Результаты регрессионных моделей с различными индикаторами субъективного восприятия неравенств в обществе

Независимые переменные	I	II	III	IV
	Коэффициент В (робаст. ст. ош.)	Коэффициент В (робаст. ст. ош.)	Коэффициент В (робаст. ст. ош.)	Коэффициент В (робаст. ст. ош.)
Константа	-6,498388*** (-0,7267)	-6,433012*** (-0,7428)	-5,922643*** (-0,7542)	-6,1389*** (-0,7382)
Возраст	-0,0322068*** (-0,0045)	-0,0322165*** (-0,0045)	-0,0318305*** (-0,0045)	-0,0324923*** (-0,0045)
Натуральный логарифм среднедушевых доходов	0,4250941*** (-0,0767)	0,4339769*** (-0,0769)	0,4030152*** (-0,0772)	0,4226078*** (-0,0766)
Наличие постоянной ра- боты (база – нет посто- янной работы)	0,1734058** (-0,0986)	0,1702874* (-0,0989)	0,1808989* (-0,0994)	0,185316* (-0,0990)
Тип поселения по месту проживания (база – села и ПГТ)				
Остальные города	0,991992*** (-0,1150)	0,9783664*** (-0,1144)	0,9943428*** (-0,1153)	1,012214*** (-0,1151)
Центры субъектов РФ	0,5904095*** (-0,1267)	0,5880379*** (-0,1266)	0,582935*** (-0,1275)	0,6083436*** (-0,1271)
Уровень профессионального образования (база – нет профессионального образования)				
Профессиональные курсы	-0,1462197 (-0,1688)	-0,1374823 (-0,1690)	-0,1430542 (-0,1686)	-0,1389664 (-0,1689)
Начальное или среднее специальное обра- зование	0,0466778 (-0,1174)	0,0533229 (-0,1176)	0,0452063 (-0,1174)	0,061257 (-0,1178)
Высшее образование	0,4203542*** (-0,1184)	0,4148866*** (-0,1185)	0,3980806*** (-0,1190)	0,4279868*** (-0,1189)
Наличие в домохозяйстве детей и их возраст (база – нет детей)				
Есть несовершеннолетние	-0,0204968 (-0,1170)	-0,0059148 (-0,1171)	-0,0178545 (-0,1180)	-0,0133105 (-0,1171)
Есть совершеннолетние	0,5279213*** (-0,1598)	0,5318964*** (-0,1604)	0,5275092*** (-0,1604)	0,5345635*** (-0,1601)
Есть и те и другие	0,9882973*** (-0,1674)	1,001733*** (-0,1678)	0,9953991*** (-0,1692)	0,9897081*** (-0,1678)
Субъективное восприятие своего материального положения (база – среднее)				
Низкое	-0,2191841** (-0,0880)	-0,20541** (-0,0882)	-0,1928173** (-0,0888)	-0,1872385** (-0,0888)
Высокое	0,0615692 (-0,1873)	0,0570828 (-0,1875)	0,0410708 (-0,1898)	0,0247781 (-0,1900)

Окончание таблицы 2

Независимые переменные	I	II	III	IV
	Коэффициент В	Коэффициент В	Коэффициент В	Коэффициент В
	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)
Восприятие неравенства в доступе к образованию				
Считают, что в стране справедливый доступ к высшему образованию		0,1590357** (-0,0803)	–	–
Причины богатства				
Богатым везет, им сопутствует удача		–	–0,24387** (-0,1080)	–
Богатые получили поддержку родителей		–	–0,1997954** (-0,0956)	–
Богатые много работали		–	0,2650833*** (-0,0909)	–
У богатых хорошее образование		–	–0,21958** (-0,1043)	–
Законы и политика служат прежде всего богатым		–	–0,3214521*** (-0,0974)	–
Причины бедности				
То, что законы и политика служат прежде всего богатым		–	–	–0,1981724** (-0,0841)
Отсутствие связей		–	–	–0,1645745** (-0,0825)

Таким образом, результаты моделей III и IV показывают, что мнение россиян о причинах бедности и богатства, формирующих неравенство, влияет на практики инвестирования населения в человеческий капитал.

Анализ качества итоговых спецификаций всех моделей показал, что дополнительные переменные не ухудшали их качества (показатели AIC и BIC изменялись сравнительно слабо), в ряде случаев объясняющая сила полученных моделей была выше, чем у модели I (табл. 3).

Таблица 3

Результаты проверки качества построенных моделей

Модель	N	-2 ll(null) ¹⁰	-2 ll(model)	df	AIC	BIC	Псевдо-R ²
I	9390	5175,48	4776,96	14	4804,96	4905,02	0,0770
II	9390	5175,48	4773,07	15	4803,07	4910,28	0,0778
III	9390	5175,48	4741,61	19	4779,61	4915,41	0,0838
IV	9390	5175,48	4765,33	16	4797,34	4911,69	0,0792

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, рассматривались только инвестиции в образование взрослых, поскольку отбор семей с детьми сокращает объем выборки для анализа, а формулировка соответствующего вопроса в РМЭЗ не позволяет разделить

¹⁰Значения показателя Log-Likelihood, умноженное на -2 для модели, содержащей только константу, позволяет оценить статистическую значимость введения в модель независимых переменных. Если после введения переменных значение -2Log Likelihood уменьшится, то модель с независимыми переменными обладает большей объясняющей силой в сравнении с моделью, содержащей только константу.

осуществляемые расходы на образование детей на непосредственно инвестиции в их человеческий капитал и прочие траты, которые представляют собой расходы на пребывание ребенка в образовательном учреждении. Во-вторых, мы говорим только о *денежных* расходах, не рассматривая *временные* инвестиции (например, в самообразование). В-третьих, инструментарий исследования ограничивает выбор индикаторов отношения к неравенству, а также факторов другого характера, которые также могут влиять на инвестиции населения в образование. Однако даже с учетом этих ограничений получен важный результат о значимом влиянии представлений о неравенстве на поведение индивидов в отношении накопления своего человеческого капитала.

Основные выводы. Проведенный эмпирический анализ субъективных представлений населения о неравенстве, измеренных в данном случае через восприятие причин бедности и богатства, и склонности к инвестированию в ЧК взрослых, подтвердил гипотезу, что представления об основаниях бедности и богатства оказывают влияние на решение индивидов относительно их инвестиций в ЧК. Восприятие причин богатства как меритократических в целом положительно влияет на склонность россиян к расходам на образование взрослых. Представления же, что богатство достигается за счет поддержки родителей или институциональной среды, которая поддерживает богатых, наоборот, негативно сказывается на соответствующих расходах. Представления о причинах бедности, как показывает анализ, хуже работают в качестве объясняющих склонность к инвестированию в ЧК взрослых, но также демонстрируют дестимулирующий эффект представлений, что политика и законы работают сегодня в России не для всех.

Судя по результатам нашего исследования, инвестиционное поведение россиян в отношении своего ЧК связано сегодня с мотивацией достижения благополучного положения в большей мере, чем с избеганием риска бедности, для которого характерны другие стратегии. Это нетривиальное предположение может стать важным направлением дальнейшего анализа.

Еще один важный вывод: особенности институциональной среды, связанной с законами и политикой, благоприятствующими только определенной части населения, не только выступают одним из ключевых оснований неравенства в представлениях россиян, но и влияют на поведение населения, приводя к отказу от инвестиций в ЧК. Данный фактор сработал как дестимулирующий при анализе влияния как субъективных причин бедности, так и причин богатства, что подчеркивает устойчивость полученных в его отношении результатов. Это еще раз подтверждает важность институциональной среды как задающей внешние рамки, в которых индивиды выбирают наиболее подходящие стратегии поведения, эффективные для них в конкретных условиях, но, возможно, неэффективные с точки зрения развития общества в целом.

Социальные связи воспринимаются населением как важное основание неравенства в обществе. Россияне разделяют мнение, что их отсутствие приводит к бедности, а наличие нужных связей – к богатству. Однако эти представления, судя по результатам анализа, не влияют на их решения в отношении ЧК. Можно предположить, что этот фактор определяет распространенность стратегий по накоплению *социального* капитала, понимаемого как доступные индивиду ресурсы социальных сетей. В частности, это могут быть какие-либо действия для расширения своих социальных сетей и получения доступа в высокостатусные и высокоресурсные сети – например, устройство ребенка в определенную школу или университет, поиск определенной работы с подходящей социальной средой и пр., и это направление также представляется перспективным для исследований.

Результаты исследования также показывают под другим углом проблему неравного доступа к образованию. Мнение о высоком уровне неравенства в доступе к образованию разного качества может снижать мотивирующее для инвестиций в ЧК влияние веры в меритократические основы социальных неравенств и даже менять направление его влияния.

Выявленная взаимосвязь представлений россиян о неравенстве и их поведения в отношении расходов, связанных с ЧК, может иметь важное значение при разработке

решений для реализации вектора развития страны, основанного на ЧК как его драйвере. Одним из негативных последствий острого восприятия россиянами проблемы неравенства и его легитимности в современном обществе может оказаться дестимулирование инвестиций населения в ЧК. Если механизмы влияния инвестиций в свой ЧК на социальную мобильность не будут для россиян ясны и прозрачны, соответствующие поведенческие паттерны просто не будут ими практиковаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольчик В.В., Зотова Т.А. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 9. № 4. С. 54–64.
- Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 20–31.
- Каравай А.В. Институциональные барьеры роста человеческого капитала высококвалифицированных специалистов // *Журнал институциональных исследований*. 2021. Т. 13. № 3. С. 131–143.
- Каравай А.В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 6 (136). С. 107–124.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // *Социологические исследования*. 2022. № 12. С. 29–41.
- Косова Л.Б. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2016. Т. 123. № 3–4. С. 43–52.
- Мареева С.В. Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол? // *Социологические исследования*. 2021. Т. 47. № 1. С. 38–49.
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 1. С. 39–60.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2018. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
- Arora A., Florida R., Gates G.J., Kamlet M. Human capital, quality of place, and location. 2000. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.
- Bak H., Yi Y. When the American dream fails: The effect of perceived economic inequality on present-oriented behavior // *Psychology & Marketing*. 2020. Vol. 37. No. 10: 1321–1341.
- Becker G. Nobel lecture: The economic way of looking at behavior // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101. No. 3: 385–409.
- Bourdieu P., Passeron J.C. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage, 1990.
- Coleman M., DeLeire T. An Economic Model of Locus of Control and the Human Capital Investment Decision // *Journal of Human Resources*. 2003. Vol. 38. No. 3: 701–721.
- Fraumeni B.M., He J., Li H., Liu Q. Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2019. Vol. 47. No. 4: 853–866.
- Galor O., Zeira J. Income distribution and macroeconomics // *The review of economic studies*. 1993. Vol. 60. No. 1: 35–52.
- Johnston D.W., Schurer S., Shields M.A. Maternal gender role attitudes, human capital investment, and labour supply of sons and daughters // *Oxford Economic Papers*. 2014. Vol. 66. No. 3: 631–659.
- Lim S.S., Updike R.L., Kaldjian A.S. et al. Measuring human capital: a systematic analysis of 195 countries and territories, 1990–2016 // *The Lancet*. 2018. Vol. 392. No. 10154: 1217–1234.
- Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality // *Social Justice research*. 2013. Vol. 26. No. 4: 471–491.
- Mejia D., St-Pierre M. Unequal opportunities and human capital formation // *Journal of Development Economics*. 2008. Vol. 86. No. 2: 395–413.
- Mincer J. On-the-job training: Costs, returns and some implications // *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5: 50–79.
- Örkény A., Székelyi M. Views on social inequality and the role of the state: Posttransformation trends in Eastern and Central Europe // *Social Justice Research*. 2000. Vol. 13. No. 2: 199–218.
- Philippis M., Rossi F. Parents, schools and human capital differences across countries // *Journal of the European Economic Association*. 2021. Vol. 19. No. 2: 1364–1406.

- Sprong S. et al. «Our country needs a strong leader right now»: Economic inequality enhances the wish for a strong leader // *Psychological science*. 2019. Vol. 30. No. 11: 1625–1637.
- Young M. The rise of the meritocracy 1870–2033: an essay on education and society. London: Thames and Hudson, 1958.
- Vella F. Gender Roles and Human Capital Investment: The Relationship between Traditional Attitudes and Female Labour Market Performance // *Economica*. 1994. Vol. 61: 191–211.
- Wilkinson R., Pickett K. The spirit level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. Bloomsbury Press, 2009.

Статья поступила: 26.01.23. Финальная версия: 13.04.23. Принята к публикации: 17.04.23.

PERCEPTIONS OF INEQUALITY AS A FACTOR OF INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL (an empirical analysis)

MAREEVA S.V.*, KARAVAY A.V.* **, SLOBODENYUK E.D.*

* University HSE, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana V. MAREEVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Head of Centre (smareeva@hse.ru); Anastasia V. KARAVAY, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (karavayav@yandex.ru); Ekaterina D. SLOBODENYUK, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Researcher (eslobodenyuk@hse.ru). All – National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The article presents the results of the empirical analysis of the relationship between the Russians’ perceptions of inequality and their behavior in relation to investments in human capital. Empirical analysis of such a relation is based on the RLMS HSE data. The investments in human capital are operationalized by the expenditures for adult education, and the perceptions of inequality are measured by the subjective degree of fairness of access to higher education, and also by subjective factors of poverty and well-being that population finds most important in contemporary Russian society. The results of the analysis demonstrate that perceptions of inequality held among the population affect their behavior in relation to the adult’s human capital. The population’s perception of access to higher education as fair, and the reasons for wealth as meritocratic, lead to a greater propensity to invest in the adults’ human capital. The perception of the causes of wealth as related to the specific parental family support or the institutional environment, which does not meet the principles of equality of opportunity, on the contrary, has a disincentive effect on investment in adult Russians human capital; understanding poverty as a consequence of the current institutional environment specifics in the country works in a similar way. The obtained results demonstrate another consequence of the population’s perception of inequality as non-meritocratic (quite typical for Russians in general), affecting the range of possibilities for the implementation of Russia’s development vector based on human capital as its driver.

Keywords: investment in human capital, subjective perception of inequality, inequality factors.

REFERENCES

- Arora A., Florida R., Gates G.J., Kamlet M. (2000) *Human capital, quality of place, and location*. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.
- Bak H., Yi Y. (2020) When the American dream fails: The effect of perceived economic inequality on present-oriented behavior. *Psychology & Marketing*. Vol. 37. No. 10: 1321–1341.
- Becker G. (1993) Nobel lecture: The economic way of looking at behavior. *Journal of Political Economy*. Vol. 101. No. 3: 385–409.
- Bourdieu P., Passeron J.C. (1990) *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage.
- Coleman M., DeLeire T. (2003) An Economic Model of Locus of Control and the Human Capital Investment Decision. *Journal of Human Resources*. Vol. 38. No. 3: 701–721.
- Fraumeni B.M., He J., Li H., Liu Q. (2019) Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 47. No. 4: 853–866.
- Galor O., Zeira J. (1993) Income distribution and macroeconomics. *The review of economic studies*. Vol. 60. No. 1: 35–52.

- Gorshkov M.K. (2014) Social inequalities as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 20–31. (In Russ.)
- Johnston D.W., Schurer S., Shields M.A. (2014) *Maternal gender role attitudes, human capital investment, and labour supply of sons and daughters*. Oxford Economic Papers. Vol. 66. No. 3: 631–659.
- Karavay A. (2016) Human capital of Russian hereditary workers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jeconomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]. No. 6 (136): 107–124. (In Russ.)
- Karavay A. (2021) Institutional Barriers to The Growth of Human Capital of Highly-Skilled Professionals. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. Vol. 13. No. 3: 131–143. (In Russ.)
- Kosova L. (2016) What Kind of Society We Live in? Analysis of Factors Determining Mass Choice in Case of Social Structures Perception. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 123. No. 3–4: 43–52. (In Russ.)
- Kozyreva P., Smirnov A. (2022) The Evolution of Russian People's Social Wellbeing During the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)
- Lim S.S., Updike R.L., Kaldjian A.S. et al. (2018) Measuring human capital: a systematic analysis of 195 countries and territories, 1990–2016. *The Lancet*. Vol. 392. No. 10154: 1217–1234.
- Loveless M. (2013) The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality. *Social Justice research*. Vol. 26. No. 4: 471–491.
- Mareeva S. (2021) Middle-Class Perceptions of Inequality Compared to Other Russians: Consensus or Disagreement? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 47. No. 1: 38–49. (In Russ.)
- Mareeva S., Slobodenyuk E., Anikin V. (2022) Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jeconomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]. No.1: 39–60. (In Russ.)
- Mejia D., St-Pierre M. (2008) Unequal opportunities and human capital formation. *Journal of Development Economics*. Vol. 86. No. 2: 395–413.
- Mincer J. (1962) On-the-job training: Costs, returns and some implications. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5: 50–79.
- Örkény A., Székelyi M. (2000) Views on social inequality and the role of the state: Posttransformation trends in Eastern and Central Europe. *Social Justice Research*. Vol. 13. No. 2: 199–218.
- Philippis M., Rossi F. (2021) Parents, schools and human capital differences across countries. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 19. No. 2: 1364–1406.
- Sprong S. et al. (2019) «Our country needs a strong leader right now»: Economic inequality enhances the wish for a strong leader. *Psychological science*. Vol. 30. No. 11: 1625–1637.
- Tikhonova N. (2018) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 126. No. 1–2: 17–29. (In Russ.)
- Young M. (1958) *The rise of the meritocracy 1870–2033: an essay on education and society*. London: Thames and Hudson.
- Vella F. (1994) Gender Roles and Human Capital Investment: The Relationship between Traditional Attitudes and Female Labour Market Performance. *Economica*. Vol. 61: 191–211.
- Volchik V., Zotova T. (2011) Adaptive rationality and economic behavior in an evolutionary context. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 9. No. 4: 54–64. (In Russ.)
- Wilkinson R., Pickett K. (2009) *The spirit level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. Bloomsbury Press.

Received: 26.01.23. Final version: 13.04.23. Accepted: 17.04.23.